

Михалков Никита

1102.08

ПРЕМЬЕРА

Своя своих не познаша...

“Русский выбор” Никиты Михалкова

Пятнадцать лет назад проблема “русского выбора” казалась ясной. Оптимистичные американцы утверждают: “Выбор есть всегда”. Но отчего же так часто не хочется выбирать, даже когда выбор есть? Даже если это выбор между безусловной или на 99 процентов гарантированной смертью и какой-никакой, но жизнью?

Как бы кто ни относился к кинематографическому творчеству Никиты Михалкова или к нему самому как личности, но подготовленный им документально-публицистический сериал “Русский выбор” заслуживает внимания как серьезное исследование темы, за 80 с лишним лет не потерявшей актуальности. Причем собственно эстетику или профессиональную состоятельность работы обсуждать не приходится — и то и другое налицо. Длительность сериала тоже оправдана — короткий двух-трехчасовой “микс” просто не хватил бы и десятой части замысла, не вместил бы и двадцатой части киноматериала.

Для сравнения. Гражданская война 1936 — 1939 годов в Испании привела к тому, что 600 тысяч человек погибли, 250 тысяч эмигрировали. После таких потерь 24-миллионная страна двадцать лет не могла очухаться, 40-миллионного жителя дождались только в 1985-м, нацдоход на душу населения перевалил через “третьемирную” цифру только в 1990-м.

А мы?

К 1922 году Россия, в 1914-м имевшая 164 миллиона населения, недосчиталась около 14,5 миллиона своих граждан. 2,5 миллиона — жертвы Гражданской войны. 2 миллиона — эмиграция. Остальные — жертвы Первой мировой, голода, эпидемий, красного и белого террора, а также те, кто “отпал” вместе с отпавшими территориями. Утрата двенадцатой части населения и большей части национальной элиты — самых образованных и дееспособных... Катастрофа. Озверение. Люмпенизация. Дикая ломка страны на новых принципах, отчего страна через двадцать лет опять становится мировой державой, но за непомерно высокую цену.

В начале 90-х по телеэкранам прошел фильм Станислава Говорухина “Россия, которую мы потеряли”. Ах, как в новинку было тогда снимать подобные фильмы! Сказочной, изобильной, медом и молоком текущей, мирно-умильной глядела на нас дореволюционная Россия со старых прыгающих кинокадров и пожелтевших фотокарточек. Цифры душевого мясоедения и чаепития удивляли, сопоставление цен в лавках и жалования квалифицированных рабочих наводило на странные мысли, количество непаханных земель и нетронутых ресурсов поражаало, конвертируемость и золотое содержание рубля ввергли в шок. Оставалось неясно лишь, отчего этот рай земной взорвался таким содомом, зачем мирные жители благоденствовавшего края повышибали друг из-под друга табуретки и устроили кровавую баню. “Во всем виноваты большевики!” — кричали тогдашние “демократы”. “И евреям!” — добавляли тогдашние “патриоты”. И все были довольны, что высказались.

Пятнадцать лет спустя, кое-что пережив и избавившись от многих иллюзий, мы не можем удовлетвориться подобной простотой.

Отсматривая тематические части сериала, я ждал, прозвучит ли версия, согласно которой примирение было возможно — кабы красные не упирались, кабы белые чуточку да прогнулись. Не прозвучала, и слава Богу. Создатели сериала не оспаривают факт: военно-политический раздор был полный и решительный, ожесточенность сторон — непримиримая, необходимость эмиграции для проигравших — объективная, иначе не сносить бы им го-

ловы. Что блестяще подтвердили и крымский террор осени 1920 года, и “философский пароход” августа 1922 года, и доживший до 1936 года режим гражданского неполноправия так называемых “лишенцев”.

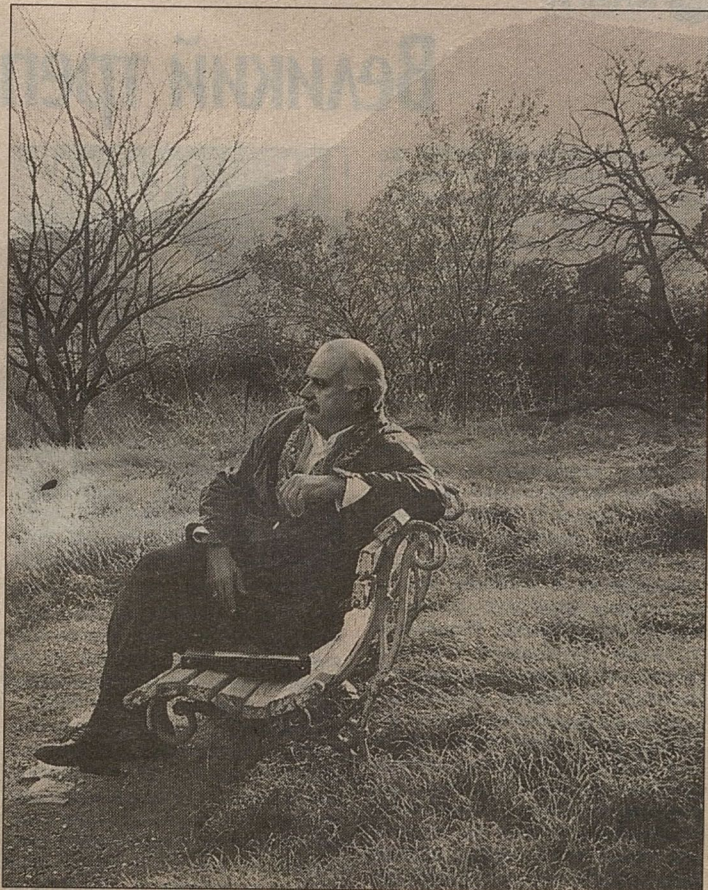
Однако сериал, вплотную приблизившись к самому спорному вопросу, внятного ответа на него не дал. А вопрос этот актуален и поныне: удалось ли русской эмиграции вывезти и сохранить русскую культуру, была ли русская эмиграция Россией в изгнании, как “тутошним” и “тамошним” русским взаимно соотноситься? Проще говоря — еще воюем или уже замирились?

Вопросы не риторические. Уж сколько лет открыты границы и архивы, а всякий раз при контактах с потомками русской эмиграции чувствуются холодок, настороженность, непонимание — причем взаимные, и не злоумышленные, а какие-то непреодолимо-естественные. Как в русской летописи — “своя своих не познаша”.

Слово “трагедия” слишком пафосно, но от частого употребления и оно может превратиться в пошловатое клише. И примерно к середине сериала убеждаешься: авторы не пошли ни по пути судебного разбирательства и взвешивания вкладов, ни по пути нагнетания сенти-

стиль, образование, вероисповедные обычаи, праздники, речевое общение и даже старую орфографию в прессе. Довольно долго эмиграция сопротивлялась процессам ассимиляции в стране пребывания и поддерживала внутренние связи, несмотря на то, что очаги эмигрантской культуры (Париж, Белград, Берлин, Харбин) были разделены огромными расстояниями.

Может быть, цикл выиграл бы, если бы в нем прямо прозвучала констатация: раскол и медленная эрозия русской эмиграции начались, когда Запад легитимизировал советскую власть и потерял интерес к эмигрантам. С этого момента эмиграция была обречена на статус изгоев, не представлявших никого, кроме себя. И мгновенно раскололась по тем же трещинам, что раскалывали прежнее русское общество. Вплоть до появления лиц и группировок (к русской чести, немногочисленных), которые радовались гитлеровскому нашествию на Россию: мол, как бы ни свалить красных, лишь бы свалить... И вновь болезненный раскол ударил по русским изгнанникам. Те, кто сотрудничал с нацистами, расплатились петлей и презрением, а те, кто искренне радовался спасению Отечества, чувствовали горечь от того, что

Кадр из фильма

ментально-мелодраматической атмосферы. Огромный массив киноматериала “Русского выбора”, по сути, впервые представил нам панораму повседневной жизни русской эмиграции в единстве почти всех ее сторон и проявлений. С оговоркой: речь в цикле идет только о послереволюционной эмиграции, так называемой “первой волне”.

Фильмы цикла прекрасно показывают корпоративный характер русской эмиграции, четкое деление на гражданских и военных, причем профессиональная корпоративность военных некоторое время служила им добрую службу — вместе было легче выживать. Прекрасно показан мессианский характер русской эмиграции — главным мотивом был не поиск места, где жить поприятней, а осознание себя хранителями русской культуры, уничтожаемой на Родине. Неслучайно довольно длительное время уклад эмигрантских общин старательно воспроизводил все формы жизненного уклада в Отечестве — бытовой

спасшееся Отечество в них по-прежнему не нуждается. Страна и общество не обрели способности к внутреннему примирению даже в час смертельной опасности.

Трудно сказать, порок это или доблесть, но факт есть факт: русская эмиграция оказалась практически неспособна создавать устойчивые культурно-национальные сообщества, подобные, скажем, сообществам китайским, итальянским или latinoамериканским (исключение — группы старообрядцев и духов, спявшие более религиозным чувством, чем национальным). Судьба русского, оторвавшегося от России, — ассимиляция его потомков в третьем-четвертом поколениях. Наше место — здесь. Авторы цикла не декларировали эту мысль явно сознательно. Ведь всего лет пятнадцать назад у нас была популярна мрачная острота: “Эмиграция? Какая эмиграция? Говорите правильно — эвакуация!”

Андрей КРОТКОВ

54